

обратно в гостиницу и застрелилась. «Почему Тамара Принц выронила бомбу? – спрашивает себя автор. – Была ли это просто случайность, вызванная нервным напряжением, или обескураженная тёплым обращением Каульбарса во время предыдущих встреч, девушка не захотела убивать ни его, ни других лиц во дворце? Неизвестно» (с. 44).

Казалось бы, чего проще – девушка выронила сильно перегруженный ридикюль, который ей к тому же нужно было нести легко, чтобы не привлекать внимание полиции³⁸. Возможно, и волнение сыграло свою роль. Но где основания для предположения, что Т. Принц не захотела убивать А.В. Каульбарса? Тот факт, что уронила бомбу, стоящую на предохранителе? Почему не отказалась от покушения, почему не заявила товарищам, почему не ушла из Боевой организации-максималистов? Почему, в конце концов, не застрелилась? Трудно поверить в то, что это было не случайностью, а сознательным действием.

Вместе с тем, несмотря на отдельные чрезмерно размашистые выводы автора, не подкреплённые фактами и не учитывающие всей сложности описываемого явления, книга Г.С. Кана является знаковой и эталонной. Она, безусловно, удалась и в своей монографической части, и в части публикации собранных им документов. Она ставит весьма высокую планку того, с какой тщательностью, вниманием и глубоким интересом к своему герою нужно создавать биографические исследования, составлять и комментировать документальные приложения. Последнее не менее важно, так как среди части историков до сих пор не изжит взгляд на публикацию документов как на значительно более простое дело, чем написание статьи и монографии. Это, конечно, верно, если публикаторы пренебрегают археографическими требованиями, «экономят» на комментариях, прикрываясь словами о самоценности и самодостаточности источников. Однако подготовить качественную публикацию порой сложнее, чем авторский текст, так как хороший публикатор не может пройти мимо тех имён и событий, о которых он ничего не знает, но тем не менее должен их прокомментировать. Только немногим известно, какой труд порой скрывается за нахождением всего лишь даты рождения или смерти, за реконструкцией того или иного события или написанием краткой биографической справки по архивным материалам!

Сергей Куликов: Наталья Климова – богиня и жертва террора

Изучение терроризма (как антигосударственного, так и государственного) в последние века и особенно десятилетия приобрело крайнюю актуальность, несмотря на то, что история террора уходит в древность: библейская Юдифь, античные тираноборцы и средневековые монархомахи или... византийский император Василия II Болгароктон, приказавший ослепить 15 тыс. пленных болгар. И всё же именно Новое время, с его кровавыми и «бескровными» революциями, последствия которых ощущаются до сих пор, предельно обострило проблему цены воплощения религиозных, политических, социальных, национальных, экономических и прочих утопий, потребовавших (и требующих ещё!) принесения в жертву человеческих жизней, не важно – сотен, тысяч или миллионов. Но несмотря на свою злободневность, террор, особенно в России

³⁸ Большевичка Е. Стасова делала хитрее: она всегда и повсюду носила с собой пустой, но набитый газетами портфель, заслужив у филеров кличку «Девушка с портфелем», имитируя его тяжесть, что позволяло ей потом естественно носить его набитым прокламациями» (Стасова Е.Д. Страницы жизни и борьбы. Изд. 3. М., 1988. С. 38–41).

начала XX в., изучен достаточно слабо. При бесчисленном множестве псевдо-, около-, а то и антинаучных работ, касающихся этой темы, серьёзные исследования, одним из которых, оговоримся сразу, является монография Григория Кана, появляются редко.

Традиционно при изучении истории терроризма исследователи, в зависимости не только от политических предпочтений, но и от уровня осведомлённости, различают «хороший» (оправданный, вынужденный) и «плохой» террор. Г. Кан, напротив, подчёркнуто беспристрастен: находясь под обаянием чар своей героини, он не склонен переносить восхищение ею на дело, к которому она была причастна. Он отмечает, что «противоборствующие стороны оказались равны друг другу в жестокости и полнейшем пренебрежении к человеческой жизни» (с. 50), а потому «кровь невинных проливали все участники братоубийственного конфликта» (с. 164). Однако факты не всегда подтверждают данное утверждение. Говоря о том, что на формирование революционного мировоззрения Климовой сильно повлияли события 9 января 1905 г. в Петербурге, когда, при попытке войск остановить организованное священником Г.А. Гапоном шествие рабочих к Зимнему дворцу, погибли 130 человек (с. 20), Г. Кан возлагает вину за случившееся исключительно на правительство, якобы организовавшее чудовищную провокацию. Но после тщательного анализа источников Р.Ш. Ганелин пришёл к выводу, что «нет достаточных оснований считать решение о стрельбе и непринятие мер к предотвращению шествия составными частями одного и того же определённо установленного провокационного плана или образа действий со стороны властей»³⁹. Более того, имеются все основания считать «Кровавое воскресенье» результатом провокации, но не правительственной, а революционной. К этому времени Гапон полностью порвал с полицейскими властями (8 января был отдан приказ о его аресте) и перешёл к сотрудничеству с революционерами, в частности, с эсерами, один из которых, П.М. Рутенберг, обеспечивал безопасность священника. Утром 9 января Гапон сознавал, что власти видят в нём революционера, а потому к Зимнему дворцу рабочих не допустят и войска «будут стрелять»⁴⁰. Конечно, формально в пролитии крови 9 января виноваты прежде всего тогдашние министр внутренних дел кн. П.Д. Святополк-Мирский и директор Департамента полиции А.А. Лопухин, однако их в подготовке провокации либеральная оппозиция, да и революционное подполье, насколько известно, никогда не обвиняли.

Другое событие, также существенно повлиявшее на судьбу Климовой, принимавшей в нём непосредственное участие, – Московское вооружённое восстание декабря 1905 г. Сообщая о гибели в ходе восстания, согласно данным московского генерал-губернатора адмирала Ф.В. Дубасова, 447 человек (из них 54 – представители власти, включая солдат, 93 «мятежника» и 298 лиц «из посторонней публики», в том числе 48 женщин и 27 детей)⁴¹, Г. Кан приходит к выводу, что «основная вина за это ложится на правительственные силы». «Конечно, – признаёт он далее, – повстанцы не были безгрешны. Помимо жертв, связанных с боевыми действиями, на их совести – расстрел после импровизи-

³⁹ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 61.

⁴⁰ Рутенберг П.М. Убийство Гапона. Л., 1925. С. 9.

⁴¹ «Достоинство власти требует не мстить, а разобрать виновность каждого». Ф.В. Дубасов о Декабрьском вооружённом восстании 1905 г. в Москве // Исторический архив. 1998. № 5–6. С. 100.

рованного суда двух захваченных полицейских чинов... Однако больше случаев убийства пленных восставшими не зафиксировано» (с. 31).

Однако доказывая (с. 32), что под руководством Дубасова происходила «настоящая вакханалия убийств и издевательств над пленными дружинниками и людьми, лишь заподозренными в том, что они участвовали в восстании или помогали повстанцам», Кан опирается преимущественно на документы, имеющие агитационный характер. Конечно, памятники революционной литературы (от листовок и партийных изданий до заказных воспоминаний советского времени) также достойны внимания, но очевидно, что обращение с содержащимися в них сведениями должно быть осторожным и критическим.

Характеризуя результаты покушения на П.А. Столыпина 12 августа 1906 г., Г. Кан пишет: «Страдания умирающих и раненых, горе их родных, да и сам вид окровавленных трупов – эта картина ничем не отличалась от той, что была на площадях Петербурга после Кровавого воскресенья или на улицах Москвы после жестокого подавления Декабрьского восстания. Смерть – тем более насильственная – всегда страшна и отвратительна» (с. 50). Действительно, насильственная смерть всегда и везде одна и та же, но данное сравнение не вполне корректно: гибель невинных жертв в январе и декабре 1905 г. не являлась результатом спланированных действий власти, между тем как максималисты в августе 1906 г. заведомо наметили взрыв на день, когда министр принимал посетителей из всех слоёв общества.

Различным было и отношение к самому факту пролития крови. Через несколько дней после 12 августа руководитель Боевой организации максималистов (БОМ) М.И. Соколов заявил одной из соратниц: «Я вполне удовлетворён. Эти “человеческие жизни”? Свора охранников, их стоило перестрелять каждого в отдельности... Товарищей жаль». «Про тех убитых и раненых, которые “охранниками” не были, он, – отмечает Кан, – не вспомнил» (с. 50). Можно возразить, что это – только частное мнение максималистского функционера. Так нет! По поводу покушения на Аптекарском острове БОМ выпустила прокламацию «к народу», в которой, вопреки фактам, утверждалось: «Большинство погибших при взрыве – лица, прикосновенные к делу угнетения народа прямо или косвенно, не достойны и не заслуживают сожаления. Скорбя лишь о тех пострадавших, которые совершенно не причастны к порабощению народа, – равно как и детей, хотя это и его дети (т.е. дети П.А. Столыпина – 12 августа были ранены его 14-летняя дочь и 4-летний сын. – С.К.), – мы думаем, однако, что эти жертвы и страдания ничто в сравнении с жертвами и страданиями, которые вынес и будет выносить русский народ от руки Столыпина» (с. 50–51). Очевидно, что в данном случае живое нравственное чувство тонulo в пучине революционной демагогии. Напротив, Николай II и Столыпин рассматривали применение насилия против террористов как печальную необходимость и меньшее зло, на которое соглашались «с горем и срамом»⁴². Не менее примечательно и то, что говорилось в Правительственном сообщении 24 августа 1906 г. «Правительство не может, как это требуют некоторые общественные группы, приостановить все преобразования, приостановить всю жизнь страны и обратить всю мощь государства на одну борьбу с крамолой, сосредоточившись на проявлениях зла и не углубляясь в его существо»⁴³. Репрессии для царизма были не целью, а только средством, необходимым для осуществления либе-

⁴² Письма Николая II к Ф.В. Дубасову // Красный архив. 1925. Т. 11–12. С. 441–442.

⁴³ П.А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы. Т. 1. М., 2003. С. 30.

ральных реформ, в то время как для максимализма терроризм являлся по сути самоцелью, ведь, как указывает Г. Кан, положительная часть его программы не получила детальной разработки (с. 38–39). Несмотря на это, в известной мере противореча самому себе, автор вновь утверждает, будто «организация» максималистов «бессознательно копировала методы репрессивного режима, с которым боролась» (с. 164). В данном случае, скорее, сам автор «бессознательно» отступил от собственных слов о порочности любого террора.

Что касается взаимообусловленности революционного и правительственного террора начала XX в., то уже осведомлённые и беспристрастные современники понимали всю парадоксальную сложность этой проблемы. Вспоминая о времени, непосредственно предшествовавшем изданию Манифеста 17 октября 1905 г., видный государственный и общественный деятель А.В. Бельгард поражался «крайней мягкостью представителей правительственной власти в тех мероприятиях, которыми правительство реагировало на явно революционные выступления общественности»⁴⁴. По мнению В.А. Маклакова, накануне 17 октября «материальной силы у власти было достаточно против неорганизованных выступлений народа, что потом и обнаружилось»: «Но лучшие представители власти понимали ошибки прежней политики и от вступления на путь беспощадной репрессии отказывались»⁴⁵. «Можно смело утверждать, – писал П.Б. Струве, – что если бы царское правительство применило к освободительному движению 1900–1905 гг. хотя бы малую долю, я скажу, 1/100 того устрашения и насилия, которые применяют к своим противникам большевики, то борьба против старого режима, которая велась тогда и которая опиралась на союз тогдашних внутренних сил и тогдашнего Зарубежья, стала бы невозможна»⁴⁶.

Г. Кан пишет, что «смертный приговор российскому премьеру» максималисты вынесли «ещё при зарождении» своей «организации», а именно – «в мае» 1906 г. Сразу же возникает вопрос – за что же «приговорили» сановника, находившегося во главе МВД лишь несколько недель и просто не имевшего времени, чтобы совершить какие-либо контрреволюционные злодеяния? «Основанием, – указывает автор, – явились репрессивные меры, инициатором которых выступил Столыпин ещё в пору своего управления Саратовской губернией в 1903–1906 гг.». Далее следует ссылка на оправдательную агитку, выпущенную максималистами уже после покушения на премьера и содержащую сведения, совершенно не соответствовавшие действительности – о пулемётах, якобы высланных губернатором Столыпиным для «усмирения» крестьян (их, как известно, он успокаивал лично и бескровно), об отправленных им на эшафот, уже в качестве министра внутренних дел, сотнях «лучших сынов народа» из «войска» и т.д. (с. 46). Историческая же реальность была такова. На всеподданнейшем докладе саратовского губернатора о волнениях в его губернии, во время которых толпа нападала на революционеров, Николай II, по рекомендации Столыпина, написал 6 августа 1905 г.: «Революционные проявления доль-

⁴⁴ Бельгард А.В. Воспоминания. М., 2009. С. 249. Подробнее об особенностях этого периода см.: Куликов С.В. Николай II, У.Т. Стэд и Манифест 17 октября 1905 г. // Таврические чтения-2012. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (1906–1917 гг.). СПб., 2013.

⁴⁵ Маклаков В.А. Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике. 1880–1917. М., 2006. С. 291. Как указывал генерал Ю.Н. Данилов, «в русско-японской войне 1904–1905 гг. приняла участие едва одна треть всех наших сухопутных вооружённых сил» (Данилов Ю.Н. На пути крушения. Очерки последнего периода Российской монархии. М., 2000. С. 69).

⁴⁶ Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М.; Париж, 2004. С. 527.

ше не могут быть терпимы, вместе с тем не должны дозволяться самоуправные действия толпы»⁴⁷. Эта резолюция, подразумевавшая подавление революции без нарушения принципа законности, была тут же опубликована в «Правительственном вестнике».

Объясняя, почему максималисты готовили покушение на командующего войсками Одесского военного округа генерала А.В. Каульбарса, Г. Кан указывает, что «общественное мнение Одессы» и «всей демократической России... считало его виновником дикого по своей жестокости погрома, случившегося в городе 19–22 октября 1905 г.». Тогда погибло от 300 до 618 человек, большей частью евреев (с. 44). Однако, как известно, поводом для одесского погрома стали три бомбы, брошенные в мирную демонстрацию местных черносотенцев анархистами, одного из которых звали Яков Брейтман⁴⁸. По мнению американского историка Р. Вейнберга, тот факт, что жертвами революционеров стали старики и дети, спровоцировал «толпу» на антисемитские выступления, также сопровождавшиеся невинными жертвами⁴⁹. Во всяком случае, ни лично Каульбарс, ни лица, непосредственно ему подчинённые, вопреки «общественному мнению», не имели никакого отношения к организации одесского погрома, возникшего и протекавшего стихийно.

До усиления революционного движения в конце 1905 г. карательная политика царизма имела лишь точечный, а не массовый характер. Согласно статистике члена Фракции трудовиков III Государственной думы А.Е. Кропотова, по политическим мотивам были казнены: в 1901 г. – 8 человек, в 1902 – 28, в 1903 – 11, в 1904 – 19, 1905 – 19 и только в 1906, в связи с введением в августе этого года военно-полевых судов, – 236 человек⁵⁰. Само введение военно-полевых судов в условиях катастрофического нарастания революционной смуты полностью соответствовало либеральному дискурсу. «В смутные времена, – писал Б.Н. Чичерин, – бывает даже необходимо приостановить законы, ограждающие личную свободу, и вручить правительству некоторым образом произвольную власть. Чрезвычайные обстоятельства вызывают и чрезвычайные средства. Обыкновенные суды, строго охраняющие закон, в этих случаях устраняются и вводятся суды военные»⁵¹. Характерная для царского правительства начала XX в. практика подавления революционного движения не противоречила и тогдашней традиции мирового конституционализма.

В августе 1906 – апреле 1907 г., за время действия военно-полевых судов, по их приговорам были казнены 1 102 революционера⁵². Характерно, однако, что и в это время правительство не стремилось к асимметричному ответу на революционные деяния: если в июле произошли 498 убийств и ранений представителей власти и 25 казней «бунтовщиков», то в сентябре, соответственно, – 638 и 254⁵³. На склоне лет кадету князю В.А. Оболенскому режим, установившийся после введения военно-полевых судов, казался «сравнительно мягким». «Едва

⁴⁷ Николай II в 1905 г. (По рескриптам, резолюциям и телеграммам) // Красный архив. 1925. Т. 11–12. С. 435–436.

⁴⁸ Степанов С.А. Черная сотня. М., 2005. С. 79, 76.

⁴⁹ Weinberg R. Workers, Pogroms and the 1905 Revolution in Odessa // Russian Review. 1987. Vol. 46. P. 63.

⁵⁰ Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчёты. В 4 т. Т. 3. М., 1995. С. 317.

⁵¹ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1899. С. 711.

⁵² Полянский Н.Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1958. С. 215.

⁵³ Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в Первой российской революции. М., 1989. С. 84.

ли я ошибусь, – писал он, – если определю число казнённых за весь период революции 1904–1906 гг. в несколько сот человек. Что значат такие цифры по сравнению с количеством казней, производившихся в России после Октябрьской революции!»⁵⁴. Допустим, Оболенский идеализировал Российскую империю, хотя с молодых ногтей и до кончины он являлся принципиальным республиканцем. Но вот свидетельство датчанина К.А. Кофода, который, проведя полвека в России, зная её сверху донизу и имея возможность сравнить российские и заграничные порядки до и после 1917 г., вспоминал, что при царизме «население в целом никоим образом не было порабощено; в старой России жили свободно»: «Царскую Россию можно считать раем по сравнению с любой другой европейской диктаторской страной, появившейся между двумя мировыми войнами»⁵⁵. Как видно, реакция самодержавного режима начала XX в. на революционную активность объяснялась не только его либерализацией, но и тем, что он уже имел, по крайней мере – в некоторых существенных отношениях и если не *de jure*, то *de facto*, либеральный характер.

Подразумевая последствия политической амнистии 21 октября 1905 г., Г. Кан утверждает, что «ноябрь 1905 г. был временем наибольшего либерализма за всю историю царской России» (с. 28). Однако на других страницах его книги можно найти крайне любопытные факты, создающие целостную картину и позволяющие утверждать, что «наибольший либерализм» наблюдался в истории царской России как до, так и после ноября 1905 г. Несмотря на «многочисленные аресты» родственников чайного короля и покровителя эсеров Д.В. Высоцкого, широко финансировавшего террористов, «улик для его преследования всегда недоставало, и он продолжал оставаться на свободе» (с. 23). В конце 1906 – начале 1907 г., когда юридически несовершеннолетняя Климова находилась в заключении, «враги-жандармы, не исключая и самого Герасимова», начальника Петербургского охранного отделения, «готовы были сделать ей послабления, немыслимые для других заключённых» (с. 63), и делали эти послабления в действительности. Заседавший 29 января 1907 г. военно-полевой суд по делу Климовой и ее подруги Н.А. Терентьевой приговорил их к смертной казни через повешение, однако помощник командующего войсками Петербургского военного округа генерал М.А. Газенкамф заменил обеим девушкам смертную казнь бессрочной каторгой (с. 72). Небезынтересно, что к смягчению приговора был причастен и один из членов суда – командир Лейб-гвардии Гусарского полка полковник В.Н. Воейков⁵⁶, в 1913–1917 гг. – дворцовый комендант Николая II. Проживая с 1910 г. после побега с каторги в эмиграции, Климова в «материальном отношении» существовала на средства (50–100 руб. в месяц), присылавшиеся ей тётей и мачехой О.Н. Климовой. До смерти в 1915 г. своего отца, зажиточного крестьянина, получал от него финансовую поддержку и её муж И.В. Столяров (с. 144). Многие подобные факты были невозможны не только при большевистском режиме, но и при Временном правительстве.

Являя пример максимальной исследовательской честности, Г. Кан не умалчивает о том, что даже личности лучших представителей максимализма несли на себе печать патологии. Так, происходивший из крестьян Соколов, первая

⁵⁴ Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Paris, 1988. С. 334.

⁵⁵ Кофод К. 50 лет в России. 1878–1920. М., 1997. С. 255.

⁵⁶ Воейков В.Н. С царём и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 244.

большая любовь Климовой, во время учёбы в Мариинском земледельческом училище «благодаря стараниям некоего помещика, заметившего незаурядные способности юноши», получал казённую стипендию (с. 25). Это не помешало Соколову в 1904 г. примкнуть к «аграрным террористам», которые призывали эсеров к осуществлению террора в деревне, ставя его целью «убийство помещиков» (с. 26). Точно не известно, чем отплатил своему благодетелю Соколов, но И.В. Столяров в декабре 1905 г. вместе с единомышленниками совершил частную экспроприацию у помещика И. Панайоти. От классового врага «грабители» потребовали 500 рублей и, получив только 70, выпустили в Панайоти «около пятнадцати пуль, из которых пять попали в цель, нанеся ему лёгкие раны» (с. 120). Впоследствии Соколов был казнён по приговору военно-полевого суда, а Столяров сумел исправить «ошибки молодости».

Произведённый Г. Каном анализ идеологии максимализма показывает, также, что резкие зигзаги судьбы Климовой и её единомышленников обуславливались в том числе и крайним утопизмом их мышления. После свержения монархии, полагали максималисты, Учредительное собрание должно установить основы «политической системы, которая развивала бы самые передовые нормы западной демократии (Англия, Швейцария)», в частности – всеобщее избирательное право (с. 39). Между тем всеобщее избирательное право отсутствовало тогда как в Англии, так и в Швейцарии: в первой из них в 1906 г. право голоса имели лишь 16% от всего населения⁵⁷, во второй – всеобщее голосование утвердилось... в 1970 г.⁵⁸, когда упомянутое право получили швейцарские женщины. Для сравнения – в «отсталой» России 1906–1917 гг. избирательное право имели, по разным оценкам, как минимум от 16 до 25% только крестьянского населения⁵⁹. Неудивительно, что в 1920–1930-е гг. Столяров, после того, как пережил годы эмиграции и большевистские репрессии, отрицательно отзывался «обо всей своей революционной деятельности до 1917 г.», говоря в узком кругу: «Всё, чем я занимался в революции, была глупость, я был молод и глуп. Я был идиот, что пошёл в революцию. Когда я пожил в Европе, поучился, повзрослел, я ни в чём подобном уже не желал участвовать» (с. 149). Утопизм, однако, отличал не только эсеров, но и все левые партии вплоть до кадетов, которые стремились к установлению в России «четырёххвостки» и, наконец-таки, сделать её подобной остальной Европе, почему и слыт у нас «европейцами», хотя ни в одной стране Европы (и Америки) начала XX в., да и более позднего периода, все элементы всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права никогда не функционировали одновременно и полностью.

Поводы для переоценки ценностей имела и сама Климова, которая ещё 5 марта 1907 г. писала умирающему отцу из заточения: «Как славно мы могли бы жить, если бы мы жили не в Российской империи» (с. 75). Но вот Наталья Сергеевна оказывается в вожделенной Западной Европе. Что же она видит там? В апреле 1911 г. в итальянском городе Вентимилья друг Климовой, максималист П.К. Сидорчук, был обыскан и задержан полицией, которая обнаружила

⁵⁷ Мижусев П.Г. Парламентаризм и представительная форма правления в главных странах современной Европы. СПб., 1906. С. 33.

⁵⁸ Танин-Львов А.А. Выборы во всём мире. Электоральная свобода и общественный прогресс. Энциклопедический справочник. М., 2001. С. 417.

⁵⁹ Подробнее см.: Куликов С.В. Народное представительство Российской империи (1906–1917 гг.) в контексте мирового конституционализма начала XX в.: сравнительный анализ // Таврические чтения-2009. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (1906–1917 гг.). СПб., 2010. С. 16–28.

у него браунинг. Поскольку в этих местах носить огнестрельное оружие можно было лишь с разрешения властей, Сидорчука приговорили к 25-дневному заключению в тюрьме и высылке из Италии «навсегда». Только благодаря заступничеству лидера итальянских социалистов Л. Биссолати-Бергамаски приговор смягчили и после освобождения Сидорчуку позволили остаться в Италии (с. 116). В марте 1913 г. Климова приехала вместе с дочерью к Столярову из французского Клави в швейцарский Санкт-Галлен, полиция которого, по словам Г. Кана, «строго» следила «за моральным обликом» санкт-галленцев, а потому «с ножом к горлу», как сообщала Наталья Сергеевна в одном из писем, потребовала от неё официального свидетельства о браке со Столяровым. Так как отношения супругов оформлены не были, Климова не смогла представить необходимого документа и была вынуждена, под угрозой высылки из Санкт-Галлена, немедленно выехать обратно в Кави, «подавленная всем происшедшим» (с. 137). Ничто подобное не снилось жителям Российской империи и в страшном сне.

Другой друг Климовой, К.В. Шиловский, эсер и изобретатель, после начала Первой мировой войны, в ноябре 1914 г., живя в Давосе, предложил свои услуги французскому правительству, которое в феврале 1915 г. пригласило его в Париж и дало средства для проведения необходимых экспериментов. Г. Кан расценивает этот факт как подтверждение того, что «французская бюрократия оказалась необычайно мобильной» (с. 156), однако буквально через несколько строк оказывается, что гидролокаторы, разработанные Шиловским ещё в 1915–1916 гг., были отправлены на фронт... «уже по окончании войны» (с. 156), т.е., как минимум, через два года. По части «необычайной мобильности» бюрократии от Франции мало отличались США, где Шиловский жил позднее. Хотя одно из его изобретений использовалось американскими войсками в годы Второй мировой войны, ему «долго не оформляли патент и не выплачивали необходимые суммы». Америка, признаёт Г. Кан, стала для Шиловского «злой мачехой: его обманывали, по любому поводу недоплачивали, находя всевозможные лазейки». В 1955 г., за три года до смерти, Шиловский писал: «В течение длительного времени моя жизнь в Америке была сущим кошмаром, который я не пожелаю и врагу» (с. 176). Шиловский мог бы успокоиться тем, что судьба гениальных изобретателей в СССР была не легче, чем в США (достаточно вспомнить путь Сергея Павловича Королёва) и всегда зависела настолько же от конкретного политического режима, насколько и от общей закономерности, проявляющейся в экзистенциальном одиночестве гения в любой стране и в любую эпоху.

Сама Климова писала мачехе из Швейцарии 1 сентября 1916 г.: «Мы все, все, богатые и бедные, интеллигенты и народ, все – бесконечные лодыри по сравнению с Европой. Здесь все и всегда работают, как крепостные, без праздников и отдыха». Полагая, что Россия начала XX в. – «ленивая и пьяная», Наталья Сергеевна признавалась далее: «Когда я думаю о будущем России, о той России, которая проснётся и начнёт по-настоящему, по-европейски работать, то у меня кружится от радости голова» (с. 142). Как тут не вспомнить, что при проведении аграрной реформы правительство «делало ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и на сильных». «Не парализуйте, господа, – просил Столыпин депутатов III Государственной думы 5 декабря 1908 г., – дальнейшего развития этих людей и помните, законодательствуя, что таких людей, таких

сильных людей в России большинство»⁶⁰. Тем самым, то «будущее России», о котором мечтала Климова в 1916 г., на деле с 1906 г. приближал своими усилиями Столыпин, каким-то чудом уцелевший 12 августа. Воистину – своя своих не познаша...

Пожалуй, в любом исследовании можно найти ошибки в деталях. К примеру, Г. Кан помещает в 1906 г. реформированный Государственный совет в Мариинском дворце (с. 41). Однако с апреля 1906 по июль 1908 г. он временно заседал в здании С.-Петербургского дворянского собрания (ныне – Большой зал С.-Петербургской филармонии им. Д.Д. Шостаковича, площадь Искусств, 2), поскольку в Мариинском дворце, до переустройства его Зимнего сада, необходимое помещение отсутствовало. Автор упоминает также Одесскую губернию (с. 120), но с 1803 г. вплоть до 1917 г. существовало Одесское градоначальство, входившее в Херсонскую губернию. Сама немногочисленность подобных частных неточностей лишний раз свидетельствует о тщательности труда, проделанного Г.С. Каном, с которым иногда можно не соглашаться, но его выводы уже невозможно игнорировать.

Материал подготовлен А.В. Мамоновым

---

⁶⁰ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия... Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М., 1991. С. 178–179.